Роман Эдварда Радзинского в журнале «Октябрь»

ДВА НОМЕРА С БОМАРШЕ

исповедания в журнале «Октябрь» - 2001 - 15 мая - с. 7

Татьяна Кравченко

ИМЯ СОЗДАТЕЛЯ «Женитьбы Фигаро», вынесенное в подзаголовок («неизданный Бомарше»), время и место действия — Франция рубежа XVIII—XIX веков, прочие персонажи: Шатобриан, маркиз де Сад, Людовик XVI, Мария-Антуанетта — казалось бы, все указывает на то, что перед нами исторический роман. Причем события размещены в тексте так плотно, интрига, по замыслу автора, должна раскручиваться так быстро, что «Игры писателей» формально можно было бы даже отнести к жанру авантюрно-исторического романа.

Радзинский предлагает свою версию неудачного бегства королевской четы из Парижа, истории со знаменитым бриллиантовым ожерельем королевы, участия Бомарше в политических и любовных интригах, — вообще свою версию событий Великой французской революции. Его право, хотя на этом историческом отрезке потоптались уже многие европейские классики (например, о Бомарше при дворе бедного Людовика у Лиона Фейхтвангера есть роман на целых 45 авторских листов), так что нужно обладать известной смелостью, чтобы затеять игру на столь окультуренном поле.

В отличие от фейхтвангеровского, Пьер Бомарше у Радзинского — стареющий сластолюбец и тщеславный интриган, дергающий (или думающий, что дергает) за веревочки знаменитые марионетки. Он хвастается, что не только написал гениального «Фигаро», но и «провернул» интригу с ожерельем, чтобы скомпрометировать королевскую власть: то есть именно он «запустил» машину революции. Он устроил (и он же расстроил) бегство августейшего семейства, тем самым поспособствовал казни монархов. Он первым «вычислил» Наполеона. Франция жила по его сценарию, и собственную смерть он тоже инсценировал сам.

Однако то, что написал Радзинский, ни историческим, ни авантюрным романом отнюдь не является. Жанр — очередная «обманка», на которую попадетесь только совсем неискушенный читатель. И дело не в вольной интерпретации фактов и не в авторских домыслах (тот же Фейхтвангер тоже вольно обходился с историей, не говоря уже о Дюма). И не в том, что автор ничуть не стремится воссоздать дух эпохи, — герои говорят и мыслят вполне современно, словно живут не во времена классицизма и романтизма, а в эпоху «Плейбоя» и «Пентхауза». И расстояние во Франции XVIII века у Радзинского меряют километрами.

Да и романом, строго говоря, «Игры писателей» назвать нельзя, это скорее развернутый сценарий. Монотонность повествования могла бы быть «разбита» только исполнением опытного актера, например, самого Радзинского. Неожиданные переходы с шепота на крик, столь эффектные в передаче, на бумаге автор передать не в состоянии. Впрочем, проблема стиля — обычная для драматурга, взявшегося за прозу. Пьеса предполагает не чтение глазами, а постановку, где драматург, режиссер и актер вместе создают художественное целое, а в романе надо одному работать за троих. Но, кажется, и проблема стиля тоже не слишком волновала Радзинского, потому что вряд ли он ставил перед собой задачу написать «настоящий» роман.

Просто Радзинский в очередной раз играет в любимую игру: рассказывает старую сказку на новый лад, создает парадоксы, выворачивает наизнанку известный сюжет. Собственно, он это делал еще в те далекие времена, когда был только драматургом. Забавно, написав мелодраму «Снимается кино», потом переиначить ее в гротескную комедию «Приятная женщина с цветком и окнами на север», вложив реплики умной и изысканной Ирины в уста взбалмошной дуры Аэлиты и превратив загадочного благородного незнакомца в заурядного

брачного афериста. Забавно создать три возможные версии бегства королевы, свести вместе Бомарше и де Сада, приплести сюда же Шатобриана...

Вообще в «Играх писателей» есть только один полнокровный, живой персонаж — это автор. Как в фильме «Волшебная лампа Аладдина» злой волшебник «расчетверялся» и уходил на четыре стороны, так и здесь автор «делит» себя между персонажами. Маркиз де Сад, Шатобриан и, конечно, Бомарше (главным образом Бомарше) — все он, Эдвард Радзинский. И «Игры писателей» — это все о нем. Причем учитываются только писатели, потому что с теми, кто искусством сочинительства не владеет — с графом Ферзенем или с Фуше, — Радзинский отождествляться решительно не желает.

Правда помимо писателей есть в «Играх» еще один персонаж, с которым автор вынужденно считается, — королева. Интрига без женщины — не интрига. В Марию-Антуанетту влюблены все (и Бомарше в том числе), она же отдает предпочтение ничтожному красавцу графу Ферзену. И не догадывается, бедная, что на самом деле ее судьба в руках отвергнутого драматурга. И тут за текстом опять брезжит смутная аналогия.

Впрочем, это уже вольная трактовка, хотя текст Радзинского (и заявленный жанр) ее вполне допускает. Этот текст вообще допускает что угодно. Заглянуть в № 3 и № 4 журнала «Октябрь» стоит, если хотите поближе познакомиться с незаурядной личностью новоявленного отечественного Бомарше.